

06.10.18

ТРИ ФРОНТА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

В сложившейся ситуации трёх фронтов России по-прежнему нужно держать курс на стратегическую автономность, сохраняя свободу внешнеполитического манёвра. При этом наиболее ощутимые удары в последнее время Россия пропускала в результате активных информационных кампаний против неё. Очевидно, что информация становится ключевой сферой международного противоборства в отсутствие возможности вести борьбу кинетическими средствами.

Последний месяц был богат на внешнеполитические события и каждое из них указывает на формирование трёх кризисных констант, своего рода ключевых фронтов российской внешней политики: американского, сирийского и украинского.

В США несколько спал ажиотаж вокруг новой волны санкций – когда выяснилось, что конгрессмены не успеют принять их до ноябрьских выборов в Конгресс. Российско-израильский кризис, вызванный опасным манёвром израильских сил вблизи российского самолёта Ил-20, подчеркнул хрупкость международной конструкции вокруг сирийского урегулирования и вынудил Россию закрыть сирийское небо для израильских ВВС. Наконец, на Украине приближаются выборы президента, а избирательная кампания входит в решающую фазу – этот период будет насыщен нестабильностью.

В российско-американских отношениях не удалось конвертировать позитивные результаты договорённостей в ходе саммита в Хельсинки в устойчивый результат. Судя по всему, здоровые инстинкты Трампа наталкиваются на саботаж американского истеблишмента – чиновников среднего уровня и некоторых представителей администрации. По сути мы имеем дело с самой масштабной дезорганизацией внешнеполитического процесса в Вашингтоне и потеряли единого субъекта в лице США. Договорённость с Трампом не означает, что её примет истеблишмент. При этом

внутри самой администрации у отдельных её членов наблюдается подростковый максимализм. Последний симптом – недавние заявления министра внутренних дел США Райна Зинке о необходимости заблокировать российский флот в Чёрном море. Но при этом, однако, американцы не стремятся к затяжному и, тем более, военному конфликту.

Более того, многие говорят, что в будущем Россия будет необходима США для противостояния с Китаем, хотя никто не знает, как её к этому склонить. В целом же превращение России в элемент внутривосточной дискуссии в США препятствует нормализации двухсторонних отношений. Отметим, что стратегические разногласия России и США даже вне контекста нынешнего политического кризиса остаются непреодолимыми. Но при этом конкуренция по правилам между ними возможна.

Усложняет ситуацию то, что между сторонами установилась асимметрия восприятия. В России недооценивают, что США по-прежнему остро переживают шок от мнимого российского «вмешательства в выборы» – по мнению многих это является актом войны. Со своей стороны, американцы недооценивают последствия санкционного режима – в Москве формируется мнение, что санкции это не просто импульсивная попытка послать сигнал с требованием прекратить вмешательство, но продолжение классической американской политики по сдерживанию и сокрушению России.

Происходящее в российско-американских отношениях не является новой «холодной войной». Но обмен политическими и военными сигналами между сторонами становится всё жёстче и «ближе к воротам»: провокации, саботаж, компрометирующие информационные кампании усугубляются, как это было видно по ситуации вокруг Алеппо, Идлибу, ситуации с химатаками в Сирии, провокации со Скрипалями, кампании по саботажу трубопровода «Северный поток-2» и ситуации на Украине.

Президентские выборы на Украине вновь могут превратиться в международную проблему. Ключевые международные участники украинского кризиса не могут выработать общий план, однако между ними нет и условий для полномасштабного столкновения. Главная динамика и потенциальные сюрпризы в украинском кризисе связаны с внутренней политикой Украины. Местные элиты научились манипулировать американским фактором и побуждают США делать символические шаги в свою пользу – хотя и заискивают перед ними и ищут одобрения. Но при этом США не готовы гарантировать Украине её безопасность, ограничиваясь минимально политически востребованными шагами, вроде передачи двух списанных катеров береговой охраны или ограниченными поставками и без того имеющихся на вооружении Украины противотанковых управляемых ракет.

Внутри Украины ситуация усугубляется. Президент Порошенко постепенно упускает власть: он настроил против себя несколько олигархических групп, нагнетает общественное напряжение по национальному и религиозному вопросу. На это накладывается штормовая экономическая ситуация и возрастающий социальный пессимизм. Победа Юлии Тимошенко на грядущих президентских выборах возможна, однако не гарантирована; в СНГ побеждали действующие президенты и с более низким рейтингом. Вместе с тем в случае кардинальных перемен в результате выборов снижение напряжения в российско-украинских отношениях возможно.

В Сирии постепенно заканчивается гражданская война и идёт поиск политического и

международного равновесия. В отличие от Украины, где нет консенсуса внешних сил, здесь внешняя рамка близка к завершению. Контур этой международной конструкции – сотрудничество России, Турции и Ирана, России и Израиля и России с Саудовской Аравией и Иорданией. На повестке дня программа восстановления Сирии и участие в ней Запада и монархий Персидского залива. По-видимому, Германия смирилась с перспективой сохранения Башара Асада у власти и готова обсуждать участие в восстановлении Сирии для предотвращения новой волны миграции. Берлин опирается на опыт миграционного сотрудничества с Турцией – это позволяет отложить идеологию в сторону. Наиболее сложным остаётся арабский фронт. Саудовская Аравия по-прежнему саботирует сирийский мирный процесс и совместно с США пытается усилить свои позиции для торга, продолжая поставлять оружие сирийской оппозиции.

При этом наиболее ощутимые удары в последнее время Россия пропускала в результате активных информационных кампаний против неё. Очевидно, что информация становится ключевой сферой международного противоборства в отсутствие возможности вести борьбу кинетическими средствами. Борьба за умы и сердца критически настроенной международной аудитории требует особых навыков и тонкой настройки коммуникации. Не исключено, что это наиболее сложная из стоящих сегодня перед Россией задач.

Оригинальная публикация ru.valdaiclub.com

*Источник: **Три фронта внешней политики России***

ОБ АВТОРЕ

Андрей Сушенцов

Президент

Местоположение: Москва, Россия

Сфера компетенций: США, глобальные тренды

Область экспертизы: Ведущий российский политолог-международник, американист. Специализируется на внешней политике США в международных конфликтах. Имеет значительный опыт аналитической работы. Участвовал в прикладных исследованиях по проблемам внешней политики США, конфликтных ситуаций в Закавказье, на Украине, на Ближнем и Среднем Востоке. Исполнял аналитические задачи по заказу Администрации Президента РФ, Министерства иностранных дел, аппарата Совета Безопасности Российской Федерации, Федерального космического агентства России и др. В своих исследованиях рассматривает сферы конфликтующих интересов России и США в Европе, на Ближнем Востоке и постсоветском пространстве. Ключевые публикации – монографии «Малые войны США», «Очерки политики США в региональных конфликтах 2000-х годов», «Россия и мир в 2020 году». Является редактором ежегодного прогноза «Международные угрозы».

Профессиональный опыт: Директор Лаборатории анализа международных процессов МГИМО МИД России. Программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай», главный редактор журнала «Внешняя политика». Был приглашенным профессором и научным сотрудником в Джорджтаунском университете, Университете Джонса Хопкинса, Свободном университете международных исследований им. Гуидо Карли, Центре Карнеги за международный мир, Гарвардском университете, Мидлберийском институте международных исследований в Монтерее. Член Совета по внешней и оборонной политике и Рабочей группы по будущему российско-американских отношений.

